

ких учеников. Но лучшим из своих учеников Бартельс считал, бесспорно, Николая Лобачевского. Вот что писал он 7 августа 1811 г.¹⁶ Румовскому об успехах своих учеников и в особенности о Лобачевском: "Последние два (Симонов и Лобачевский), особенно же Лобачевский, оказали столько успехов, что они даже во всяком немецком университете были бы отличными, и я льщусь надеждою, что если они будут продолжать упражняться в усовершенствовании своем, то займут значащие места в университетском кругу. О искусстве последнего предложу хотя один пример. Лекции свои располагаю я так, что студенты мои в одно и то же время бывают слушателями и преподавателями. По сему правилу поручил я перед окончанием курса старшему Лобачевскому предложить под моим руководством пространную и трудную задачу о вращении, которая мною для себя уже была по Лангранжу в удобопонятном виде обработана. В то же время Симонову приказано было записывать течение преподавания, которое я в четыре приема кончил, дабы сообщить его прочим слушателям. Но Лобачевский, не пользуясь сею запискою, при окончании последней лекции подал мне решение сей столь запутанной задачи, на нескользких листочках в четвертку написанное. Г. академик Вишневский¹⁷, бывший тогда здесь, неожиданно восхищен был сим небольшим опытом знаний наших студентов".

Румовский тотчас по получении этого письма Бартельса поспешил сообщить об этом министру, "будучи в том мнении, что содержание сего письма принесет министру некоторое удовольствие".

Вследствие этого письма Лобачевскому вместе с другими товарищами (Линдегреном, магистром Кайгородовым, Лобачевским-младшим и Симоновым) была объявлена похвала министра народного просвещения графа Разумовского (11 октября 1811 г.). Но еще до получения этой бумаги свидетельство Бартельса, Германа, Литтрова и Броннера "о чрезвычайных успехах и таковых же дарованиях в физико-математических науках" спасло, как мы увидим далее, Лобачевского от нависшей над ним угрозы исключения из университета.

Не меньшее рвение Лобачевский оказывал и в занятиях другими математическими науками у приехавших в 1810 г. профессоров Литтрова и Броннера. Первое печатное сообщение с упоминанием его имени мы встречаем в "Казанских известиях" за 1811 г. (№ 21), где Литтров сообщает о первых астрономических наблюдениях, сделанных в Казани: начиная с 30 августа этого года Литтров вместе с Лобачевским и Симоновым наблюдал большую комету 1811 г. Наблюдения делались из окон канцелярии Совета, "сколько имеющиеся ныне инструменты и погода позволяли". Но эти "primitiae"^{11*} астрономических наблюдений в Казани, как откровено признавался Литтров в письме к Румовскому, не имели научного значения: им не благоприятствовала погода, их точности мешал недостаток астрономических часов. О доверии, которым пользовался Лобачевский, можно судить по тому, что осень 1809 г. ему, в то время еще 16-

^{11*} Первые плоды (лат.).